

ЧАСТЬ 1

ПРОЛОГ ИСТОКИ ДВУХ МИРОВ

...да не покажется странным, если и в дальнейшем изложении мы будем в рассказе о знаменитейших государствах возвращаться ко временам предшествовавшим. Мы сделаем это для установления таких исходных пунктов, отправляясь от коих можно бы ясно понять, с чего начинали отдельные народы, когда и какими путями достигли они занимаемого ныне положения.

Полибий.

Всеобщая история, I, 12, 7—8

ГЛАВА 1

«СКИТАЛЕЦ ВЕЧНЫЙ С ЖАДНОЮ ДУШОЙ»¹: КАК ВОЗНИК ФИНИКИЙСКИЙ КАРФАГЕН

Хитрый, в обманах искусный ко мне финикиец явился,
Плут и барышник, многим немало зла причинивший.

Гомер. Одиссея, XIV, 288—289

Финикийцы, совершавшие издревле частые торговые
плаванья, основали много поселений в Ливии и нема-
ло также в Европе — в их западных землях.

Диодор Сицилийский.

Историческая библиотека, V, 20, 1

В эти приплыли места, где теперь ты могучие видишь
Стены, где ныне встает Карфагена новая крепость.
Здесь купили клочок земли, сколько можно одною
Шкурой быка охватить (потому и название Бирса).

Вергилий. Энеида, I, 365—368

Западное Средиземноморье — особая географическая область бассейна Средиземного моря, разделенного на две части выступом североафриканского побережья в районе современного Туниса с юга и вытянутым и узким Апеннинским полуостровом с севера. Вместе с расположенным между ними островом Сицилия они образуют восточный рубеж региона, западным пределом которого является Пиренейский полуостров. К середине I тысячелетия

¹ В названиях глав использованы строки стихотворения «Улисс» Альфреда Теннисона в переводе Ильи Манделя.

до н. э. крупнейшей военно-политической силой Западного Средиземноморья стала сеть финикийских колоний, расположенных вдоль западной части побережья Северной Африки, на юге Испании, на острове Сардиния и в западной части Сицилии. Во главе этого государственного объединения стоял город Карфаген, расположенный на северо-востоке современного Туниса, в плодородной долине неподалеку от устья реки Баград (современная Меджерда), впадающей в глубоко вдающийся в сушу и удобный для обустройства гавани залив, ныне носящий название Тунисского. Истоки Карфагена восходят к последней четверти IX в. до н. э. Он был основан группой колонистов из финикийского Тира, расположенного в Ливане, на восточном побережье Средиземного моря. Точная дата основания нового города (финикийское название Карт-Хадашт так и переводится — Новый город) неизвестна, источники и исследователи чаще всего называют 825, 823 и 814 гг. до н. э. Не знаем мы и реальных событий, приведших к основанию Карфагена. Их заменяет красочная легенда о тирской царевне Элиссе, якобы стоявшей во главе основавших Карфаген колонистов.

Согласно преданию, наиболее подробно изложенному Марком Юнианом Юстином в его «Эпитоме сочинения Помпея Трога *“Historiae Philippicae”*» (Книга XVIII, 4—5), правитель Тира по имени Муттон завещал свое царство детям — сыну Пигмалиону (в финикийском произношении его имя, скорее всего, звучало как Пумайатон) и отличавшейся необыкновенной красотой дочери Элиссе (Элишта или Эришта, в греко-римской традиции получившая имя Дидона). Жители Тира, однако, не уважили волю покойного царя и отдали предпочтение лишь его сыну, отстранив дочь от власти. Свергнутая царевна

нашла защиту у своего дяди Ахерба (Сикарбаса или Ашер-баса), выйдя за него замуж. Теперь положение Элиссы казалось незыблемым, ведь Сикарбас был могущественным жрецом главного тирского бога Мелькарта, отождествляемого с древнегреческим Гераклом. Однако алчный Пигмалион не довольствовался единовластным правлением, но пожелал также завладеть всеми несметными храмовыми сокровищами. Сикарбас был убит в расчете на то, что лишившаяся мужа и заступника Элисса вынуждена будет склониться перед братом и передать ему все богатства. И действительно, вскоре царевна сообщила о своем намерении прибыть к Пигмалиону во дворец вместе со всем золотом храма Мелькарта. Обрадованный царь Тира даже выслал ей в помощь своих слуг, которые должны были сопровождать Элиссу и, главное, доставить сокровища. Сестра, впрочем, перехитрила брата, ведь ее послание было лишь уловкой в тщательно продуманном плане.

Когда посланники Пигмалиона прибыли к Элиссе, она приказала погрузить на корабль под видом золота наполненные песком мешки. Выйдя в море, царевна совершила показательное жертвоприношение, повелев выбросить за борт все храмовое золото, которое принесло столько горя ее мужу. Слуги Пигмалиона, выполнявшие распоряжение и не знавшие, что в мешках лишь песок, были повергнуты в ужас перспективой сурового наказания, которое неизбежно ждало их по возвращении к их повелителю. Узнав, что Элисса собирается отплыть за море, они согласились сопровождать ее, лишь бы не возвращаться к царю со столь неприятными для него известиями. Вскоре к кораблю царевны присоединилась флотилия ее сторонников из тирских знатных родов и, везя с собой

настоящие сокровища храма Мелькарта, беглецы направились в сторону Кипра. Здесь им удалось привлечь на свою сторону местного жреца Юпитера (по другим данным — Юноны) вместе с семьей, пообещав ему и его потомкам «на все будущие времена жреческое достоинство». Также спутники Элиссы выкрали около восьмидесяти занимавшихся священной проституцией девушек, чтобы «молодежь имела жен, а будущий город — юное поколение». Пигмалион, собиравшийся было выслать за сестрой погоню, не решился на это, поддавшись увещаниям прорицателей, предупреждавших, что царь «не останется безнаказанным, если помешает возникновению города, которому суждено стать счастливейшим городом в мире (*urbis toto orbe auspiciatissimae*)».

Счастливо избежав преследования и опасностей плавания, Элисса со спутниками достигла побережья Африки, где они высадились на берег одного из заливов. Местные жители радушно встретили чужеземцев, обрадованные возможностью налаживания взаимовыгодной торговли, однако не были в восторге от намерения пришельцев осесть на африканской земле, основав здесь город. Тогда Элисса попросила продать ей лишь небольшой клочок земли, который можно было бы покрыть одной бычьей шкурой, «где бы ее спутники, утомленные долгим плаванием, могли восстановить силы, прежде чем отправиться дальше». Африканцы с радостью согласились на столь выгодное предложение, полагая, что основать постоянное поселение на столь малом участке будет невозможно, однако замысел Элиссы был не так прост. Царевна приказала разрезать шкуру на тончайшие ремешки и растянуть их так, чтобы охватить как можно большее пространство. Это позволило финикийцам

завладеть площадью, вполне достаточной для основания небольшого поселения, получившего название Бирса, что в переводе с древнегреческого и означает «бычья шкура». Возможно, впрочем, что это слово было греческим толкованием финикийского термина для обозначения скалы или крепости, что и породило впоследствии как вымышленное толкование происхождения названия, так и сам миф об изрезанной на полоски бычьей шкуре. Действительно, Бирса была цитаделью Карфагена, и ее название по сей день относится к холму Сен-Луи, на котором она была расположена.

Исторические процессы, стоящие за приведенным мифом, берут свое начало еще на рубеже XIII—XII вв. до н. э., когда вследствие военного давления соседних еврейских и арамейских народов ханаанеяне-финикийцы были вынуждены сконцентрироваться в приморских центрах побережья Ливана. Перенаселенные города Финикии и в особенности выделившийся среди прочих Тир были вынуждены выплескивать избыточное население вовне, что в течение нескольких столетий и в два этапа — со второй половины XII до середины VII вв. до н. э. — привело к основанию десятков крупных финикийских колоний в бассейне Средиземного моря. Второй важнейшей задачей деятельности финикийцев в Средиземноморье было обустройство удобных гаваней на основных морских торговых путях и организация выгодного обмена с местным населением. Основными предметами торговли финикийцев были прежде всего драгоценные металлы — золото и серебро, а также медь, олово, а со временем и железо; восточные купцы, со своей стороны, предлагали окрашенные ткани, пурпурные раковины, масло, амулеты, керамику и разного рода дешевые безделушки типа

стеклянных бус. Сфера их торговых интересов охватывала все Средиземноморье — от Южной Аравии, Ассирии и Малой Азии на востоке до Испании на западе.

Путь мореходов из Финикии на запад был открыт вследствие гибели Микенской цивилизации, пришедшейся на рубеж XIII—XII вв. до н. э. и положившей конец господству микенцев в Восточном Средиземноморье. Впервые проложенный, очевидно, около середины XII в. до н. э., этот маршрут шел через остров Родос и далее к Сицилии, затем к выступу североафриканского побережья и вдоль берега Африки к Южной Испании. Он отмечен рядом возникших не позднее рубежа XII—XI вв. до н. э. промежуточных опорных пунктов на островах Фера и Мелос на юге Эгейского моря, на острове Кифера к югу от полуострова Пелопоннес и на восточном и южном побережьях Сицилии. Древнегреческий историк Фукидид отмечал, что поселения финикийцев были «повсюду на острове», для организации торговли с обитавшим здесь с XI в. до н. э. древнеиталийским племенем сикулов они «основали свои фактории на мысах и прибрежных островках у Сицилии» (Thuc. VI, 2, 5)¹. Такие семитские топонимы, как Пахин, Мазарес, Макара, Тамариций или Тапс, относящиеся к югу и востоку острова, также свидетельствуют о присутствии здесь финикийцев, причем задолго до появления в последней трети VIII в. до н. э. эллинов.

От Сицилии путь финикийцев пролегал к северному побережью Африки, где в пределах последних двух десятилетий XII в. до н. э. ими была основана Утика, располагавшаяся на западном берегу Тунисского залива. Как

¹ Здесь и далее ссылки на источники даны в сокращенной форме. Полное название см. в разделе «Принятые сокращения для античных авторов и их произведений» на с. 423.

писал Юстин, «когда жители Тира были богаты и многочисленны, они отправили свою молодежь в Африку и основали Утику», что свидетельствует о демографическом давлении и стремлении избавиться от наиболее активной и беспокойной части населения — молодежи — как одного из важных факторов основания новых колоний. До основания и возвышения Карфагена именно Утика была главным финикийским торговым центром в Западном Средиземноморье. Практически одновременно с Утикой или даже чуть ранее возникли и крайние западные поселения финикийцев, расположенные уже за столпами Мелькарта — так финикийские мореплаватели называли Гибралтарский пролив. Это были Ликс на атлантическом побережье Африки (территория современного Марокко вблизи устья реки Лукос) и Гадир на Пиренейском полуострове, впоследствии переименованный римлянами в Гадес (Кадис).

Так проходил первый этап финикийского проникновения в Западное Средиземноморье, пришедшийся на последние десятилетия XII — первую треть XI вв. до н. э. Многие исследователи считают, что этот период нельзя назвать собственно колонизационным и следует вести речь лишь о первичном проникновении и подготовке почвы для основания будущих полноценных колоний. Относящиеся же к этому времени точки финикийского присутствия были в большинстве своем лишь якорными стоянками и факториями без постоянного населения. Впрочем, сложно предположить, что такими были все пункты финикийцев этого периода. Очевидно, что без постоянного населения не смог бы обходиться основанный во враждебном окружении Гадир, само название которого переводится как «укрепление», «укрепленное

(огороженное) место». Столь же сомнительно, что неза-селенной могла быть Утика, одной из целей основания которой, по свидетельству Юстина, было удаление из Тира лишней молодежи, поскольку тирские жители были слишком многочисленны (Just. XVIII, 4, 2). Как бы то ни было, к середине XI в. до н. э. финикийское проникнове-ние в Западное Средиземноморье замедлилось. Во-пер-вых, были достигнуты изначальные цели — вывод за пределы Тира излишков населения и освоение торговых маршрутов, которые, регулярно функционируя с того времени, существенно обогатили метрополию. Во-вто-рых, изменилась военно-политическая ситуация в Вос-точном Средиземноморье, давление на Финикию со сто-роны ранее воинственных соседей, прежде всего Ассирии, исчезло, и ханаанеяне смогли расселяться в ближайших к своей родине регионах.

Очередные изменения в Финикии произошли два сто-летия спустя, когда обострившаяся внутривосточная борьба в Тире вновь погнала финикийцев за море. Вторая волна финикийского колонизационного движения в За-падном Средиземноморье приходится на вторую четверть IX—VII вв. до н. э., и как раз в это время произошло ос-нование и начало возвышения знаменитого Карфагена. Особая активность финикийцев именно в западной части бассейна Средиземного моря в этот период не случайна. Она обусловлена как богатством региона, так и полити-ческой ситуацией в Восточном Средиземноморье, где давление со стороны греков и фракийцев в Эгейском море лишило ханаанеян возможности основывать собственные колонии. Иной была ситуация на западе — здесь отсут-ствовали как сильные региональные государства, так и конкуренция со стороны других морских переселенцев.

Финикийцы поспешили воспользоваться открывшимися перед ними возможностями.

В это время важнейшими промежуточными пунктами на пути финикийцев в Западное Средиземноморье становятся поселения на южном побережье Кипра, наиболее значимым из которых был Китий. Его можно попытаться отождествить с финикийским Картихадашти, упоминаемым в обнаруженных на острове финикийских надписях. Впрочем, это мог быть и иной кипрский город финикийцев, расположенный на месте современного Лимассола либо неподалеку от него. В любом случае именно через Кипр, согласно свидетельству Юстина, пролегал путь на Запад основательницы Карфагена тирской беглянки Элиссы и ее спутников. Отсюда же финикийцы отправлялись для основания своих западных колоний в Испании (Малака и Секси), на острове Сардиния (Нора, Сульх, Бития, Таррос, Каларис), островах Мелита (Мальта) и Гавлос (Гоцо или Годзо), расположенных между Сицилией и Африкой. На самой Сицилии финикийцы под давлением греков покинули свои прежние поселения на восточном и южном побережьях и обосновались в западной части острова. «Когда стали чаще прибывать в Сицилию морем эллины, финикийцы покинули большую часть острова, — сообщает Фукидид. — Они объединились в союз и поселились неподалеку от элимов (на помощь которых они рассчитывали), в Мотие, Солоенте и Панорме, откуда могли кратчайшим путем достичь Карфагена» (Thuc. VI, 2, 5). Более интенсивным стало освоение и северного побережья Африки, где позже Утики, но ранее основания Карфагена были образованы такие значительные финикийские колонии, как Ауза, Гиппон (Гиппона Акра), Хадрумет, Лептис и другие.

В пределах последней четверти IX в. до н. э. произошло также основание Карфагена, в целом вписывающееся в рамки осуществлявшейся финикийцами колонизации, но в то же время имевшее важное отличие — начало этому городу положили не торговцы-колонизаторы, тесно связанные с метрополией, а политические беглецы. Приведшие к возникновению Карфагена события, если отбросить сугубо мифологическую составляющую рассказов античных авторов об Элиссе и ее бегстве, сводится к истории внутривосточной борьбы в Тире, в результате которой проигравшая группировка знати была вынуждена покинуть родину и основать новый город на ливийском побережье. Это обстоятельство определило особое положение Карфагена по сравнению со всеми остальными финикийскими колониями Западного Средиземноморья, стало залогом его политической независимости от метрополии. Связи Карфагена с Тиром были исключительно религиозными, культурными и экономическими, но не отношениями политического господства и подчинения.

Не завися от метрополии в политическом отношении, североафриканский город тем не менее признавал символическое первенство Тира. Сохранился ряд свидетельств античных авторов о тесных духовных контактах двух родственных городов. Так, Квинт Курций Руф отмечал, что «Карфаген основали тирийцы, которые и почитались там всегда как предки» (Curt. Ruf. IV, 2, 10). Геродот же свидетельствовал, что азиатские финикийцы считали карфагенян своими детьми и отказывались воевать против них вопреки приказу персидского царя Камбиса начать войну против Карфагена: «...царь приказал своим кораблям плыть на Карфаген. Финикияне, однако,

отказались подчиниться царскому приказу. Они объявили, что связаны страшными клятвами и выступить в поход на своих потомков для них великое нечестие. А без финикийн корабли остальных [подвластных царю городов] не могли тягаться с карфагенянами. Так-то карфагеняне избежали персидского ига» (Herod. III, 19). Диодор Сицилийский сообщает, что карфагеняне в знак почтения подносили десятину храму Мелькарта в Тире (Diod. Sic. XX, 14), а Курций Руф и вовсе утверждал, что «добычей из других захваченных ими городов они украшали Карфаген не более, чем Тир» (Curt. Ruf. IV, 3, 22).

Особое географическое и политическое положение Карфагена во многом определило его дальнейшую судьбу как самостоятельной военно-политической силы. Впрочем, возвышение города в качестве ведущего центра всего Западного Средиземноморья произошло далеко не сразу. В течение по меньшей мере полутора столетий с момента основания Карфаген оставался сравнительно небольшим городом, в экономическом плане ничем не отличавшимся от остальных финикийских поселений региона. Поначалу положение города и вовсе было крайне непрочным в свете напряженных отношений с местным населением, правителям которого карфагеняне должны были платить дань за землю, где расположилось их поселение. Ярким отголоском сложившейся вскоре после основания Карфагена ситуации является продолжение легенды об Элисе, которая якобы вынуждена была пожертвовать собой ради сохранения политической независимости города. Как сообщает Юстин, вскоре после основания города ливийский царек народа максиев (по Геродоту) или макситан (согласно Юстину) Гиарб (Иарбант или Хиарбас), прельщенный богатством процветающего торгового центра,

пожелал жениться на его правительнице и тем самым заполучить власть над Карфагеном. Отказ в такой ситуации был равнозначен войне, и Элисса предпочла добровольную смерть ради спасения независимости города. «Назначив себе трехмесячный срок для исполнения этого решения, — пишет Юстин, — она приказала воздвигнуть на окраине города костер, будто для того, чтобы умиловить тень (*virī manes*) своего мужа и перед новым браком принести жертвы в честь умершего. Затем она заклала много жертв, взошла на костер с мечом в руках и, обратив взоры свои к народу, сказала, что, согласно их совету, собирается идти к мужу, после чего закололась мечом» (Just. XVIII, 6).

После самоубийства Элиссы монархическое правление в Карфагене пресеклось и власть перешла к десяти старейшинам («принцепсам»), составлявшим ранее ближайшее окружение царицы. Возможно, именно с этим событием связано наличие двух дат основания города — около 825—823 г. и 814 г. до н. э. Более ранняя из них является временем возникновения основанного Элиссой первоначального поселения, позднейшая же относится к моменту учреждения Карфагенской республики после смерти царицы. Хотя самопожертвование основательницы, которую со временем стали почитать в Карфагене как богиню, спасло город от подчинения туземным ливийским владыкам, однако в остальном его положение в контексте тирской колониальной системы в Западном Средиземноморье оставалось в течение VIII в. до н. э. маргинальным и периферийным. Так, будучи политически самостоятельным, Карфаген не мог рассчитывать на поддержку метрополии в борьбе с местными племенами, что привело к ограничению карфагенских владений пределами самого

города, за землю которого карфагеняне к тому же вынуждены были регулярно платить дань. С другой стороны, отсутствие прочного положения на континенте и почти-тельное отношение к Тиру препятствовали собственной колониальной экспансии Карфагена в Западном Средиземноморье. Проведение активной самостоятельной внешней политики африканским городом в регионе могло войти в противоречие с позицией метрополии, что было одновременно как малоприемлемо в идеологическом плане, так и трудноосуществимо и даже опасно в практическом отношении.

Сложившееся положение начало меняться уже с конца VIII — начала VII вв. до н. э., когда положение Тира зашаталось вследствие экспансии ассирийских царей Синаххериба (705—680 гг. до н. э.) и Асархаддона (680—669 гг. до н. э.). Видимо, уже в первой половине VII в. до н. э. из подчинения Тиру вышли финикийские колонии Кипра, признавшие власть Асархаддона. Это по меньшей мере нарушило и затруднило, если не разорвало регулярную связь между финикийскими колониями Западного Средиземноморья и метрополией. Тирская колониальная система дала трещину, что развязывало руки Карфагену и открывало перед ним блестящие возможности. Независимое положение, которое ранее лишало его практической поддержки со стороны Тира, теперь, в условиях потери связи финикийских колоний региона с бывшей метрополией, превратилось в бонус. На фоне всех остальных финикийских поселений Западного Средиземноморья именно Карфаген, основанный представительницей царского рода Элиссой, оказывался в уникальном положении, позволявшем ему претендовать на то, чтобы занять место Тира в региональной колониальной системе и тем

самым создать собственную колониальную державу. Кроме того, на запад, в том числе и в Карфаген, могли прибыть волны беженцев из Финикии и с Кипра, ищущих здесь укрытия вследствие ассирийского вторжения. Это привело к относительному, а возможно, даже и существенному росту населения в Карфагене. Учитывая отсутствие у города сельскохозяйственной округи, это создавало значительное демографическое напряжение, подталкивавшее карфагенян к внешней экспансии и колонизации. Пожалуй, именно с этого момента окончательного осознания карфагенянами своего уникального положения среди всех иных финикийских городов региона по отношению к ним оправдано будет применять римский термин пуны или пунийцы.

Показательно, что именно в это время, около 660 г. до н. э., Карфаген решается основать свою первую собственную колонию Эбес (современная Ивиса, или Ибица) на острове Питиусса в составе Балеарского архипелага, у восточного побережья Испании. «Город этот был основан сто шестьдесят лет спустя после основания Карфагена», — сообщает Диодор Сицилийский (Diod. Sic. V, 16, 3), что дает период между 665 и 654 гг. до н. э. Судя по всему, это была первая проба, позволявшая, не выступая против Тира открыто, действовать как бы параллельно его колониальной системе. Активно противостоять инициативе младшего родственника старая метрополия не стала, да, очевидно, и не могла из-за своего зависимого положения под властью Ассирии. Это убедило карфагенян в правильности и своевременности предпринятого шага и предопределило их скорую дальнейшую открытую экспансию против входивших в колониальную систему Тира финикийских городов региона. Дальнейшему утверждению

власти Карфагена в финикийских колониях Пиренейского полуострова помешала развернувшаяся в это же время фокейская колонизация Западного Средиземноморья. Греки из Фокеи основали ряд колоний на восточном побережье Пиренейского полуострова, на юге Галлии и островах региона. Наиболее важными стали эллинские колонии в Массалии (на месте современного Марселя) и острове Корсика. Фокейцы удерживали преобладающие позиции — так называемую фокейскую талассократию — вплоть до середины VI в. до н. э., существенно ограничив возможности для экспансии карфагенян. Карфагеняне сохранили за собой колонию Эбес, однако установившиеся было контакты Карфагена с Этрурией и Пиренейским полуостровом были прерваны греками.

Не сумев закрепиться на испанском и итальянском торговых маршрутах, карфагеняне сосредоточились на Африке и Сицилии. Их успехам в этом регионе в значительной степени способствовала окончательная гибель Тирской колониальной державы, пришедшаяся на 570-е гг. после покорения Тира царем Нововавилонского царства Навуходоносором II (605—562 гг. до н. э.). Благодаря этому Карфаген полностью созрел для того, чтобы взять на себя роль нового центра власти по отношению ко всем финикийским городам Западного Средиземноморья. Менее двух десятилетий понадобилось карфагенянам, чтобы осознать свою новую роль и перейти к активным действиям. Уже к середине VI в. до н. э. они основали колонию Керкуан у мыса Бон, немного восточнее Карфагена. В это же время карфагеняне установили контроль и над располагавшимися далее на восток, на североафриканском побережье, городами Хадрумет и Лептис, полностью подчинив себе торговлю с внутренними областями

